

со служащими коммунистами армии и флота — 234 820 — 15,6%, и прочие — 1,3%, — меньше 20 тыс. Если вы возьмете процентное отношение между рабочими и остальными, то примерно будет $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$. Если же взять данные по чистке 1921 г., то соотношение как раз обратное: там рабочие составляли немного больше трети — 37,3%, а остальные были крестьяне, служащие и пр.

Голос: А кто такие прочие?)

Прочие это те, которые не подходят ни к рабочим, ни к крестьянам, ни к служащим: есть и такая категория. Следовательно, если взять социальный состав партии, то он коренным образом изменился в сторону усиления пролетарского ядра. Чистка партии между прочим ставит себе одной из задач еще более усилить это пролетарское ядро, с одной стороны, очищением от всех непролетарских, мелкобуржуазных или даже проникших к нам буржуазных элементов, — кое-где и такие есть, — чуждых нам элементов, а с другой — на основе того, что мы партию сделаем более однородной, более боеспособной, более крепкой, мы привлечем в нее лучшие кадры пролетариата и тем самым усилим пролетарский состав. Что у нас проникли в партию элементы не только мелкобуржуазные, но кое-где и прямо буржуазные и контрреволюционные, в отдельных случаях это мы обнаруживаем и во время нашей работы в КК. Так например во время проверки Черноморской организации в Сочинском районе была обнаружена бывшая помещица, которая вступила в партию после гражданской войны. Когда она вступала в партию, так перед этим отслужила молебен у попа, т. е. не молебен, а что-то вроде этого.

Голос: Молебен! Молебен!

А когда была принята, то отслужила уже настоящий молебен по случаю того, что была принята в партию.

Голос: В каком году это было?)

Мы ее вычистили в 1928 г.

Голос: А когда вступила?)

А вступила она после гражданской войны. Ну, я не думаю, чтоб у нас в пролетарской партии оказалось много таких людей, но если их и немного, то и эти единицы тоже отравляют нашу партию, и нам нужно позаботиться о том, чтобы после настоящей чистки такие люди не остались в нашей партии.

Голос: Очень интересно, кто ее ввел?)

Я приведу еще две цифры относительно того, как наша партия очищалась за эти годы от чуждых, непролетарских эле-

ментов, искажающих нашу линию, и чисто преступных элементов. В чистку 1921 г. было исключено и выбыло из партии 174 900 человек, примерно 30% всего состава. С этого времени по 1 июля 1928 г. исключено было во время отдельных проверок и систематической работы контрольных комиссий 260 144 человека. Таким образом, если взять чистку 1921 г. и последующие исключения, то была исключена и выбыла добровольно армия в 435 075 человек.

(Голос: А сколько восстановлено?)

(Коссиор: Часть восстановлена.)

Восстановлен из этого числа во всяком случае очень небольшой процент, очень немного.

Если даже уменьшить эту цифру, уменьшить примерно на 10%, то во всяком случае мы имеем больше 300 тыс. человек, исключенных и отошедших за это время от нашей партии. И то, что наша партия сейчас насчитывает полтора миллиона, доказывает, какую она имеет огромную притягательную силу, в особенности для рабочего класса. Мы имеем сейчас в нашей партии около миллиона — 928 610 рабочих.

За это время мы провели ряд отдельных проверок. Была у нас проверка непроизводственных ячеек, примерно одной четвертой части нашей партии. Затем у нас была чистка деревенских ячеек, частичная проверка деревенских ячеек, а в последний год мы проверили ряд отдельных организаций: Черноморскую организацию, Северо-осетинскую, Смоленскую, Крымскую, Вотскую, Иркутскую организации, в Центрально-черноземной области проверили шесть районов, главным образом деревенские ячейки, и проверили организацию Марийской области. По всем этим проверкам исключено из партии 2 130 человек, причем процент исключенных в различных областях колеблется между 6 и 18. Так в Черноморской области исключено 13,7%, в Северо-осетинской — 9,5%, Смоленской — 6,4%, Крымской — 11%, Вотской — 18,3%, Иркутской — 15,3%, Центрально-черноземной области — 15,3% и в Марийской — 6%. Эти цифры показывают, что в среднем вычищенных примерно получится 12—13%, число исключенных по сравнению с чисткой 1921 г. понизилось примерно в 2,5 раза. Это показывает, что состав нашей партии как-никак стал лучше, крепче. Было бы неправильно сейчас, основываясь на этих цифрах, по сравнению с чисткой 1921 г. и на основании цифр, полученных от проверки ряда организаций, составлять какие-либо «контрольные цифры». А между тем это имеет кое-где место. В Центральной контрольной комиссии имеются материалы, говорящие о том, что сейчас уже даются кое-где такие директивы — вычистить примерно столько-то.

Вот эти «контрольные цифры» очень опасны. Мы имели в прошлом такого рода наметки, когда каждая организация старалась перещеголять другую: вот ленинградцы вычистили 20%, и мы от них не отстанем, — и тоже вычистим 20%, вне зависимости от того, какая это организация, каков ее состав, нужно ли вычистить 20% или нет. Мы считаем необходимым самым решительным образом предупредить против такой наметки «контрольных цифр», сколько надо вычистить. Надо вычистить из коммунистической партии всех некоммунистов. А сколько их окажется — это надо проверить самым тщательным, самым внимательным образом, не выкидывая тех людей, которые являются коммунистами, но плохо выполняют свои обязанности в силу своей неосознанности, в силу малой своей подготовленности, в силу того, что организация не умеет руководить, не умеет направлять их деятельность и т. д. На этом я остановлюсь более подробно.

Нужно с самого начала условиться о том, почему мы сейчас чистим партию. Не потому конечно, что есть отдельные коммунисты или ячейки плохие; для этого достаточно было бы передать сведения об этих отдельных плохих коммунистах или ячейках в Контрольную комиссию и там их соответствующим образом проверить. Задача заключается в том, что если мы накануне перехода к новой экономической политике проверяли ряды нашей партии с точки зрения того, могут ли эти коммунисты взять на себя задачу восстановительного периода, переходя к новой экономической политике, применить эту политику партии по отношению к массам, по отношению к крестьянским массам, — то сейчас перед нами стоит не менее большая, не менее ответственная задача, требующая не меньшей классовой чистоты, не меньшей классовой пролетарской выдержки нашей партии, — это задача реконструкции всего нашего советского хозяйства, это задача переделки этого хозяйства. Мы должны на этих путях, на этом этапе сделать партию более боеспособной, более однородной, более мобилизованной для борьбы с бюрократизмом и другими извращениями классового характера. Эта задача требует уже проверки поголовно всех членов партии, генеральной проверки всех рядов ее. В инструкции мы примерно даем список, от кого должна быть очищена наша партия. Там говорится:

«Основной задачей генеральной чистки и проверки рядов ВКП (б) является решительное очищение их от социальных, бюрократившихся и

разложившихся элементов, от элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристических целей, элементов буржуазно-мещанского перерождения и сросшихся с кулачеством и в силу этого противодействующих проведению партийной линии и советских законов в деревне; дезорганизаторов производства, подрывающих собственным поведением авторитет партии в глазах рабочих (систематические прогулы и пьянство на производстве, вредительство, а также возглавляющих шкурнические, деклассированные элементы рабочих, выступающих против решений партии и решений профсоюзов, одобренных партией, не поддающихся воспитанию и исправлению; всех представителей оппозиционных групп, осужденных партийными решениями, порвавших с этими группами на словах, на деле же продолжающих свою антипартийную работу в рядах партии».

Вы видите в этом списке, несмотря на то, что перечислены самые разнообразные поводы для исключения, упор делается на классовое лицо коммуниста, — нас интересует главным образом и прежде всего, является ли он действительно представителем рабочего класса, как представитель передового авангарда рабочего класса, как коммунист.

В решениях ноябрьского пленума мы имеем прямое указание на то, что мы должны также иметь в виду необходимость решительной очистки рядов нашей партии от людей, которые поддались бытовому загниванию. Мы не противопоставляем эти две группы коммунистов, — классовочуждых и разложившихся в бытовом отношении, — которые негодны, как коммунисты. В докладе на московском активе, когда некоторые товарищи пытались их противопоставлять и понимали нас так, что мы против борьбы с бытовым загниванием, что мы за легкое отношение к фактам глубокой испорченности нравов наших коммунистов, — мы должны были резко формулировать наши отношения к этим фактам. Я говорил на этом активе, что

«...в нашей партии не должно быть места злостным растратчикам; в нашей партии не может быть места шкурникам, которые из-за шкурных соображений, из-за шкурных интересов не выполняют директив партии; не может быть места в партии бесчестным карьеристам, которые, прикрываясь партбилетом, используют партию для своих личных целей; не может быть места в партии тем, которые из-за пьянства теряют лицо партийца, которые дискредитируют партию; не может быть места тем, кто по-эксплуататорски и рабовладельчески относится к женщине; не может быть места в партии тем, кто ставит свои личные выгоды выше интересов партии, выше интересов революции».

Но из этого, — из необходимости борьбы с бытовым загниванием, — некоторые отдельные товарищи и даже некоторые контрольные комиссии делают совершенно неправильный вывод, делая упор на быт, а не на классовое лицо коммуниста. Мы поэтому в тезисах наших самым точным образом формулируем, что не должно быть мелочного придирчивого копания в быту, в личной жизни каждого партийца. Не «рюмку водки» ставим мы во главу проверки.

(М а н у и л ь с к и й: Правильно!)

Не это ставим мы, а классовое лицо партийца. Я умышленно подчеркиваю именно эту сторону дела, потому что сколько раз нам приходилось делать доклады и наталкиваться на мешанское, прямо тупое непонимание этой постановки вопроса. На основе такой нашей постановки вопроса некоторыми товарищами делаются такие выводы: ах, значит вы против борьбы с пьянством. Ничего подобного. Мы за решительную борьбу с пьянством, но мы делаем различие между обществом трезвости, между людьми, которые говорят: мы вступаем в общество трезвости и даем обет совершенно не употреблять никаких спиртных напитков, — и политической партией. Но если вы к нашему партийному уставу еще прибавите этакое требование, я думаю, что даже т. Ю. Ларин не поверит, что эти коммунисты, которые дадут такой обет, будут выполнять его. Между тем сколько на этой почве ханжества, всякого святошества развивается, вы сами знаете. Я вам приведу некоторые примеры. В Черноморской области был секретарем организации т. Под-

горный. Он приехал туда, и там ему сказали: вот у нас бытовое явление — пьянство. Как же он начал бороться против этого? Он созвал актив райкома, и на этом собрании актива, обсудивши вопрос о пьянстве, вынесли постановление: дать лозунг «пить культурно».

(Голос: Что это значит, не пить из бочки?)

Мы такого лозунга не даем. Конечно идеалом было бы для всех нас, чтобы коммунисты не употребляли совершенно спиртных напитков; но если бы вы стали сейчас давать такой завет: ни один коммунист не имеет права употреблять совершенно спиртных напитков, или требовать: исключайте из партии всех, кто употребляет спиртные напитки, — я вас уверяю, что вы выбросите из партии людей, преданных коммунизму, доказавших свою преданность годами, десятилетиями борьбы, и оставите в партии святошей, никуда и ни на что нам не нужных. Товарищи, я уже не говорю о том, что те самые товарищи, которых вы выбираете для проверки, — а вы составляете проверочные комиссии из старых партийцев главным образом, — не могут на себя взять такую ответственность и сказать, что они никогда, ни при каких обстоятельствах, ни в каких случаях жизни не пили, не пьют, не выпивают. Ведь они же именно будут решать этот вопрос. Вот почему надо подойти к этому несколько иначе. У нас полуторамиллионная партия, в ней около миллиона рабочих, из которых многие сотни тысяч пришли после смерти Ленина. Над ними нужна огромная работа, как и над всеми нами. Мы в известной степени (физически) люди прошлого, со всеми недостатками прошлого, над всеми нами еще нужна громадная работа. Мы сами должны работать над собою и над теми, кто приходит к нам. Но надо брать людей так, как они есть, и посмотреть, пригодны ли они — вот с этими недостатками и недочетами, которые у них есть — пригодны ли они для борьбы за социализм, для борьбы за строительство социализма, для того, чтобы пожертвовать собой, если надо для этого дела. Вот как нужно подойти. Само собой разумеется, что не может быть места в наших рядах таким людям, которые забывают об интересах партии. Слишком мягко например вначале мы отнеслись к тем «строителям социализма», которые были в союзе строителей и устроили в Москве «кабуки». Хорошо, что их потом исключили из партии и осудили, а сначала отнеслись сравнительно мягко. А между тем такие «кабуки» есть не только в Москве. Вот мне передали документ о разложении членов партии в селе Кутырлинском, Тюкалинского района, Омского округа. Там была организация хуже «кабуков», в еще более отвратительной и гнусной форме, где имя партии втапывалось в грязь, где имя партии фигурировало в гнуснейшем невоспроизводимом ни в какой

печати названия этого общества, и там участвовали, руководили — председатель Кутырлинского кредитного товарищества Газов, член ВКП (б); член правления того же общества Гришаков, секретарь партийной ячейки; счетовод Кардыбаев и др.

Эти лица входили в состав «ЦК» организации, у них был устав и пр., и пр. Что же сделано с этими людьми? Бюро тюкалинского райкома, где обсуждался вопрос об этой организации, ограничилось выговором членам организации — партийцам. А их надо было изгнать и предать суду немедленно. Вот такое легкое отношение, проявляемое иногда к самым гнусным формам разложения, иногда уживается у нас рядом со святошеским, ханжеским отношением, когда требуют от члена партии: дыхни, не пахнет ли от тебя, или требуют обязательной внешней супружеской верности для того, чтобы коммунист оставался членом партии, — как будто бы это является необходимым условием успешности борьбы за социализм, обязательным условием. Дело доходит до того в области попыток регламентировать весь быт коммунистов, что бывший красноармеец обращается в Центральный комитет партии за разрешением жениться, потому что на месте ему волком не разрешает жениться. Вы прочитали вероятно об этом факте, так как он был приведен в моем докладе на московском активе. Этот бывший красноармеец пишет:

«Г. Москва, ЦК ВКП. От члена ВКП села Верялички, Брянского уезда. Прошу вашего распоряжения о разрешении мне жениться на дочери священника, так как я уже с ней связан любовью с 1925 г. В 1926 г. пошел в Красную армию, вступил в партию, а приехав домой, мне не разрешает волком ВКП (б) жениться на ней, а я разлюбить никак не могу, у меня нехватает энергии бросить, т. е. изменить, так как она мною перевоспитана и желает пойти на все уступки, только выйти за меня, то прошу вас не оставить удовлетворить мою просьбу».

Если дело доходит до того, что несчастный парень, бывший красноармеец, должен был апеллировать в Центральный комитет, то не слишком ли мы простираем далеко наши попытки в деле регламентации быта коммунистов? Я покажу, что мы слишком далеко в этой области зашли. Не нужно заходить так далеко, надо найти какие-то иные методы для воспитания членов партии, для создания здорового быта партийцев.

В связи с тем, что мы должны были и по фактам бытового загнивания ударить, некоторые партийные организации поняли задачу так, что надо создавать бы т о в ы е к о м и с с и и, которые

обойдут всех членов партии и там на квартире исследуют быт коммуниста на месте. Ленинградцы знают, что у них очень серьезный напор в этом отношении со стороны так называемых ж а к т о в, т. е. жилищных товариществ, которые считают, что их надо привлечь к чистке членов партии. Что у нас получится, если мы чистку партии проведем с точки зрения тех квартирных склок, которые происходят в жактах. Мы самым решительным образом предостерегаем против этого, это будет склокническая проверка, которая даст нам максимальное количество ошибок, не принципиальных решений, подсказанных озлоблением на почве примусов, прачечных, кухонь и т. д. А между тем уже созданы кое-где и действуют бытовые комиссии. В розданном вам моем докладе имеется документ, который я цитировать подробно не буду, о том, что во Владимире в августе, еще до начала чистки, создана была такая бытовая комиссия, дана была схема обследования, где предлагалось провести обследование материального быта, внутреннего убранства комнат, развлечений, мировоззрений и т. д. Еще неизвестно, кто будет этот обследователь, кто войдет в эту бытовую комиссию. Могут получиться результаты совершенно неожиданные. Вот видите, в Запорожьи такая бытовая комиссия обошла уже коммунистов. Что она нашла? Она обратила внимание исключительно на то, что в некоторых избах рабочих имеются иконы. Конечно, если у коммуниста висят иконы, то это свидетельствует о том, что он не порвал с религией. Но у нас иногда вместе с коммунистом живет его отец-старик, мать, братья или сестры, — и требовать, чтобы он насильственно прекратил у них всякое общение с культом, мы вовсе не рекомендуем. Союз безбожников борется все время с такого рода извращениями в борьбе с религией. Когда мы думаем, что религию можно изгнать насильственно, это неправильно, а на основе этого неправильного взгляда делаются совершенно неправильные выводы. Но ведь это в Запорожьи где-то, где-то очень далеко...

(К о с с и о р С т.: То есть как это—где-то в Запорожьи?!)

А вот Москва. Член партии с 1917 г. пишет в ЦКК:

«6 апреля с. г. ко мне на квартиру приходит беспартийная гражданка N, проживающая со мной в одном доме, и рассказала мне, что к ней приблизительно числа 15 или 20 марта приходит на квартиру неизвестный ей человек и заявляет примерно следующее: «Товарищ, вы знаете, что у нас сейчас идет чистка партии, и вы должны нам в этом помочь, и наша просьба ко всем беспартийным помогать нам». После такого заявления, по словам гр. N, пришедший приступает к допросу.

Задавая с иронией вопросы, добиваясь «необходимого» для него ответа, и, если ответ дается положительный о том или ином коммунисте, опрашивающий с угрозой предупреждает: «Имейте в виду, нам все уже известно, и вы за свои показания будете отвечать».

Таким порядком, опросив о нескольких коммунистах, дело дошло до меня, и гр. N были заданы следующие вопросы:

1. Кто к нему ходит? Как одета эта публика?
2. Часто ли бывают гости? Происходят ли попойки в это время?
3. Как поздно приходит он домой и часто ли это бывает?
4. Как живет с семьей?
5. Эксплуатирует ли он жену и мать?
6. Почему у них горит свет до 2, до 3 часов? Не думаете ли вы, что там в это время происходит пьянка?
7. Есть ли у них прислуга?
8. Каждое ли лето его жена выезжает на дачу и куда?
9. Куда ездил он сам прошлым летом?

Ответы на все эти вопросы пришедшим человеком были записаны в виде протокола допроса и даны на подпись опрашиваемой гр. N.

«Как передавала мне гр. N, приходивший человек (фамилии которого она к сожалению не знает), уходя, не получив от нее «нужных», как видимо, ему ответов, иронически заявил ей: «Удивительно, что вы даете не соответствующие действительности сведения». На ее ответ: «Значит вы ходите и собираете только одну грязь и клевету?» пришедший заявил: «Это мы еще посмотрим».

Это в Москве.

(Г о л о с: Какой район?)

Можно будет назвать этого товарища, он член партии с 1917 г., и спросить. Но во всяком случае это имеет место в Москве.

Вот картинка из Нижнего-Новгорода, я беру из «И з в е с т и й» по фельетону Л ь в о в и ч а. Тов. Ж д а н о в мне подтвердил, что это взято из газеты «Нижегородская коммуна». Там в газете имеется заголовок:

«Не опешляйте чистки партии». А под заголовком странная «шапка»: «У вас кровати с шишками?» — «А сколько вы имеете венских стульев?» — «Эти картины вполне приличные?» — «Скажите, доктор, что из себя представляет вот тот коммунист?»

— Так, — поясняет далее газета, — ставили вопросы и из этого исходили некоторые комиссии по изучению быта коммунистов.

Ячейка нижегородского губсуда, проводившая обследование быта коммунистов, попыталась произвести классификацию их на три группы: вышесреднюю, среднюю и низсреднюю.

— В группу вышесреднюю, — рассказывает газета, — вошли коммунисты, имеющие диван, трюмо, кровать... с шишками, ковер.

В среднюю группу попали коммунисты, имеющие восемь венских стульев, стол, гардероб и кровать... без шишек.

(Скрыпник: У алжирского бея под самым носом шишка.)

В низсреднюю группу попали коммунисты, не имеющие венских стульев.

— Вот это я понимаю, так и должно быть у коммунистов, — говоритследователь «средняку» про его обстановку.

А вот характеристика «быта» одного ответственного хозяйственника, данная бытовой комиссией при ячейке Нижкомбината:

«Занимает одну комнату, очень маленькую — метров десять. В комнате письменный стол, мягкий диван и кресло мягкое, шикарное зеркало раздвижное, кровать. Комната вид имеет холостяка (!), не в порядке. Картины есть — приличные; портретов вождей не видно...»

И дальше в той же характеристике:

«С женой развелся, живет у жениной сестры, в ГСНХ работает с его основания; как будто парень выдержанный».

А вот картинка из кооперативной ячейки, описываемая газетой:

— «Сам»-то дома?

— Нет.

— Часто вам приходится так одиночествовать?

— Да. Частенько.

— А что же вы сами не ходите никуда? Ведь у вас нянька есть! Оставили бы ребятшек, да и в клуб или в театр.

Молчание.

— Может быть муж не пускает?

— Да нет. Пускать-то пускает, только все равно не пойдешь.

— Что так?

— Вон соседи доходились — развелись...

Такого разговора члена бытовой комиссии с женой коммуниста было вполне достаточно, чтобы сделать вывод:

— Из этого я заключил, что муж тормозит... и т. д.

(С м е х.)